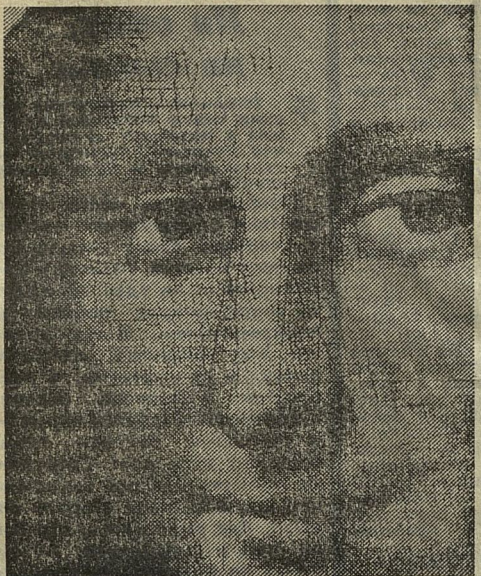

Труг - 1994 - 19 марта - с. 7.

МОСКВА-74: СВИДАНИЕ С МОНОЙ ЛИЗОЙ

Эту шифровку из Парижа приняли в Москве в один из майских дней 1974 года. Вечером она была доложена министру иностранных дел СССР А. Громыко. На следующее утро при встрече руководителя МИД СССР с председателем Совета Министров А. Косыгиным в числе других вопросов обсуждалась и та шифровка. Несколько позже Косыгин проинформировал Л. Брежнева о сообщении из столицы Франции...

Речь шла всего лишь... о картине художника. Но какая картина и какого

художника! Ни много ни мало — шедевр Леонардо да Винчи «Джоконда» («Мона Лиза»). Посол СССР во Франции С. Червоненко сообщал в шифровке, что эта картина с выставки в Токио будет в первой половине июня возвращаться под усиленной охраной в Париж, в Лувр. Самолет с драгоценным грузом произведет посадку в Москве для доправки. Посол предлагал использовать уникальный шанс и, по согласованию с французским правительством, выставить на какое-то время «Джоконду» в Москве, в одном из музеев...

В свое время Франция приняла решение о том, что эта феноменальная картина не должна вывозиться за пределы страны. Лишь дважды по специальному разрешению французских властей она совершала официальное путешествие за границу — в США и Токио. И вот посол предлагал использовать шанс для нашей страны. Был здесь и резон чисто дипломатический. Во Франции в это время после смерти Жоржа Помпиду главой государства стал 48-летний Валери Жискар Д'Эстен. Весьма выигрышным моментом для налаживания с ним дружеских отношений и могла стать эта благородная акция...

Вот почему шифровке из Парижа было уделено такое большое внимание. А срочность, с которой докладывался этот документ, объяснялась тем, что до отправки картины из Токио оставалось совсем мало времени.

ЛИЧНОЕ ПОРУЧЕНИЕ КОСЫГИНА

Французское правительство и лично президент Жискар Д'Эстен не возражали показать картину в Москве, но окончательное решение должны были принять специалисты Луврского музея. Они выдвинули весьма жесткие требования, касающиеся сохранности шедевра, создания и постоянного поддержания микроклимата, в котором должна находиться картина. Даже шум, звуковые колебания не должны доноситься до нее. И, конечно же, Советское государство обязано было дать стопроцентную гарантию того, что картину невозможно будет похитить или нанести ей повреждения.

А такое в долгой истории «Джоконды» и сожалению было. В 1911 году разбойник-малар похитил знаменитый портрет из Лувра. Это был вселенский скандал. Позже «Мону Лизу» обнаружили в Италии. В 1913 году шедевр был возвращен в Лувр. Были и другие «покушения». Однажды один из маньяков совершил акт вандализма, залив часть картины чернилами. Реставраторам пришлось немало потрудиться...

Вопрос, словом, был настолько серьезным, что им занимался лично Алексей Косыгин. Он вызвал в Кремль министра среднего машиностроения Е. Славского, министра культуры Е. Фурцева и поручил им обеспечить выполнение всех требований французов...

Вызов в Кремль министра культуры был понятен, но почему Косыгин обратился еще и к руководителю могущественной империи внутри советской им-

перии, как называли Минсредмаш? Посвященные знали, что это министерство занималось разработкой и созданием грозного атомного оружия. Атомные бомбы и картина великого Леонардо — что общего? А дело было в том, что именно в Средмаше была мощная секретная организация по разработке и изготовлению надежной охранно-защитной техники, уникальных систем сигнализации и скрытого наблюдения. Эта техника охраняла атомные объекты — главные секреты страны. Вот почему Косыгин поручил Славскому позаботиться о стопроцентной безопасности «Моны Лизы».

«ЕСЛИ ПОПРОСЯТ, ДАЙТЕ АТОМНУЮ ПОДЛОДКУ»

Трудность заключалась и в том, что на всю подготовительную работу отводилось десять дней — столько оставалось до отправки картины из Токио. Конструкторско-технологическая проработка задания на изготовление особого термостабилизированного контейнера для «Джоконды» показала, что потребуется три месяца работы. Столько же времени ушло на создание специального контейнера для картины и у японских специалистов. Правда, более жесткий график работ мог бы сократить срок до двух с половиной, двух месяцев... Но не до десяти же дней!

Явление Джоконды Москве было поставлено под сомнение. Косыгин на заседании правительства потребовал, чтобы все заказы из Средмаша, касающиеся контейнера, выполнялись немедленно, без обсуждений, под личную ответственность министров. «А если попросят атомную подложку, — тоже дать?» — связал кто-то из присутствовавших. «Да, немедленно дать подложку, — жестко ответил Косыгин, — а потом будем разбираться, зачем она им потребовалась... Задание должно быть выполнено в срок».

Огромное государственное колесо закрутилось, набирая обороты. Порой компетенции министров не хватало для решения возникавших проблем. Одна из них — изготовление пуленепробиваемых стекол особой толщины на заводе в Донбассе. Для этого необходимо было пристановить там выполнение государственного заказа, перейти на уникальную технологию, сорвать графики выпуска серийных изделий. Обратились к Косыгину.

И он дал срочное распоряжение, подчеркнув, что речь — об ответственном правительственном задании.

Были задействованы различные заводы и организации. Руководил работами Евгений Мишин, бывший в то время начальником отдела центрального аппарата Минсредмаша. Непосредственным изготовлением термостабилизированного контейнера занимались на заводе «Молния». Вадим Михайлович Виноградов, который был в то время главным конструктором СКБ, вспоминает:

— Мы работали круглые сутки, без выходных. Технологический цикл был сокращен до предела. Чертежи делали от руки и, минуя чертёжный зал, доставляли их в цех. Какие-то вещи объясняли рабочим «на пальцах». Решения надо было принимать порой нетрадиционные, причем быстро и без ошибок (на перерывах времени не было).

Когда контейнер из нержавеющей стали собрали, встал вопрос: как его поставить в вертикальное положение? Лежит на боку такая четырехтонная машина вроде огромного шкафа — основание два с половиной метра, высота — три с половиной. В одной из стенок — двойные толстые стекла. Малейший перекош — и стекло может лопнуть. Но нашли выход: поднимали контейнер постепенно, подкладывая с одного конца специальные подушки и надувая их...

Словом, за семь дней и ночей сделали то, на что в «нормальных» условиях должно было уйти три месяца.

— Каждое стекло весило сто шестьдесят килограммов, — добавляет Петр Николаевич Литвинов, бывший в то время заместителем главного конструктора. Транспортировать их можно было только в вертикальном или наклонном положении. Отправили за ними спецсамолет в Донбасс, да не каной-нибудь, а могучий «Антей» — тогда один из самых больших в мире. Вскоре встречали его в московском аэропорту...

Массивный контейнер — сложное техническое сооружение — был предназначен для небольшого портрета (77 на 53 сантиметра), написанного Леонардо да Винчи маслом не на холсте, а на дереве. Почтенный возраст картины требовал особых условий, микроклимата, к которому привыкла «Джоконда».

— Внутри термостатической кабины, — рассказывает Евгений Трофимович Мишин, — поддерживалась постоянная температура — 20 градусов (плюс — минус один градус), влажность — 50 процентов (плюс — минус два процента). Специальная система обеспечивала освещенность 200 люкс, но не допуска-

ла попадания на картину инфракрасных лучей. Конструкция гасила любой возможный шум, вплоть до 40 децибеллов, ибо звуковые волны могли неблагоприятно воздействовать на краску. Телекамера, микроволновые датчики и другие технические средства обеспечивали безопасность (в соседней комнате днем и ночью находилась охрана). 13 июня все работы по установке кабины в Музее изобразительных искусств, монтажу систем термостабилизации, охранной сигнализации были завершены. А 14 июня из аэропорта Внуково в сопровождении большой охраны была доставлена бесподобная «Мона Лиза»...

ОЧЕРЕДЬ ЗАНИМАЛАСЬ С НОЧИ

«И ты, живописец, — писал Леонардо да Винчи в одной из своих знаменитых тетрадей, — учишься делать свои произведения так, чтобы они привлекали к себе зрителей и удерживали их великим удивлением и наслаждением, а не привлекали бы их и потом прогоняли, как это делает воздух с тем, кто ночью выснакивает голым из постели, чтобы посмотреть, какова погода — пасмурная или ясная, и точас же, гонимый холодом, возвращается в постель, откуда только что поднялся; но делай произведения свои похожими на свежую струю воздуха, которая в жару извлекает людей из их постелей и удерживает их наслаждением подышать легкой прохладой...»

Контейнер с картиной был смонтирован в стену таким образом, что зрители видели только освещенную «Джоконду». Очередь в Музей имени А. С. Пушкина занимали с ночи. Люди медленно шли непрерывным потоком (останавливаясь у картины не разрешалось), и так продолжалось все 44 дня, пока «Мона Лиза» была в музее.

29 июля французские специалисты открыли заднюю дверь кабины, бережно вынули картину и поместили ее в другой — транспортный контейнер. Он состоял из нескольких вставленных друг в друга металлических ящиков (по принципу русской матрешки). Этот герметический транспортный контейнер не горел в огне и не мог утонуть в океане. Даже если бы он выпал из самолета или самолет потерпел бы катастрофу на суше — картина, в которую вложен весь мир, все равно осталась бы целой. Специальные демпферы создавали мощную противоударную защиту. В таком «домике» «Джоконда» летела из Токио в Москву, а потом из Москвы — в Париж...

Виталий ГОЛОВАЧЕВ.